

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Монахини
Рождественского монастыря
скрыли много старинных
икон и сокровищ,
за которыми и в наши дни
идет настоящая охота...

Ольга БАСКОВА

**Сокровища
Рождественского
монастыря**

Артефакт & Детектив

Ольга Баскова

**Сокровища
Рождественского монастыря**

«ЭКСМО»

2023

Баскова О.

Сокровища Рождественского монастыря / О. Баскова — «Эксмо»,
2023 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-185968-8

Старинный Рождественский монастырь хранил множество сокровищ, но после революции он был разграблен. Несколько монахинь скрыли часть ценностей, за что и поплатились своими жизнями... В небольшом приморском городе семью Виктории преследует злой рок. Гадалка предсказала, что все их горести закончатся, когда они избавятся от проклятых сокровищ. Но они не послушались – и сначала Вика заболела неизлечимой болезнью, затем у нее похитили сына, а потом погиб супруг. И все эти несчастья перекинулись и на ее детей... Детектив «Сокровища Рождественского монастыря» – захватывающая новинка автора серии «Артефакт@детектив» популярного автора Ольги Басковой.

ISBN 978-5-04-185968-8

© Баскова О., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1. Русское царство, 1353 г	5
Глава 2. Приморск, наши дни	9
Глава 3. Приморск, наши дни	11
Глава 4. Русское царство, 1524 г	13
Глава 5. Приморск, наши дни	16
Глава 6. Русское царство, 1524 г	18
Глава 7. Приморск, наши дни	19
Глава 8. Русское царство, 1524 г	21
Глава 9. Приморск, наши дни	23
Глава 10. Русское царство, 1525 г	26
Глава 11. Приморск, наши дни	27
Глава 12. Приморск, наши дни	28
Глава 13. Русское царство, 1525 г	30
Глава 14. Приморск, наши дни	34
Глава 15. Русское царство, 1525 г	36
Глава 16. Приморск, наши дни	38
Глава 17. Русское царство, 1525 г	42
Глава 18. Приморск, наши дни	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ольга Баскова

Сокровища Рождественского монастыря

Глава 1. Русское царство, 1353 г

Княгиня Мария Ивановна Серпуховская присела на камень, лежавший возле пещеры горы Маковец. Она ждала отца Сергея с каким-то трепетом в душе, ждала, как манну небесную, полагая, что он – то поможет и подскажет, как ей жить дальше. И когда он показался, суровый старец в белых одеждах, она с благоговением молитвенно сложила руки.

– Рад видеть тебя, дочь моя, – старец улыбнулся, и его морщинистое лицо словно озарилось внутренним светом. – Вижу, печаль на твоём челе, и догадываюсь, от чего она.

Мария подалась вперед:

– Ты всегда читал мои мысли, как книгу, думаю, и о бедах моих слышал. Одна я осталась, батюшка, умер мой любимый супруг. Хочу уйти от мира в монастырь. Что ты на это скажешь?

Сергий нахмурился:

– Лукавишь, княгиня, не одна ты осталась, а с сыном. Знаю, Владимиром его кличут. В печальный день он на свет появился, на сороковины после смерти князя Андрея. Так что не одна ты, княгинюшка, сынок у тебя есть, крестник мой. Помнишь, как совсем молодая сюда с мужем приезжала, просила меня помолиться, чтобы Господь деток даровал?

Мария смахнула слезу, оставившую след на нежной коже:

– Помню, отец.

– Я так тебе отвечу, – Сергей прищурился и посмотрел куда-то вдаль. – Монастырь – это хорошо, тут о вечности и покаянии подумать можно. Но ответь мне, кто дитя твое родное растить будет? Кто мать ему заменит?

Княгиня потупилась:

– Есть у него тетки и дяди.

– Я вижу, не слышишь меня, – старец посерьезнел. – Я о матери родной говорю. Никто дитя любить не будет так, как она, никто лучше не воспитает. Это тебе сделать надо, и тогда твой сынок богатырем станет, землю от поганых очистит. Даже прозвище его вижу – Храбрый. Еще вижу, что ты станешь хорошей матерью. Это тоже твое предназначение.

Мария вздохнула:

– Значит, рано еще мне о келье думать.

Старец подошел ближе и положил руку ей на голову.

– А в монастырь еще успеешь прийти, и это будет монастырь, который ты сама и построишь.

Княгиня вздрогнула:

– Я построю монастырь?

– Да, но перед этим совершишь много добрых дел, – он убрал руку и с любовью посмотрел на молодую женщину. – Это твое предназначение. А теперь ступай. Больше мне добавить нечего.

– Спасибо, отец, – княгиня встала и пошла к возку, ожидавшему неподалеку от горы.

«Если мне суждено основать монастырь, я сделаю это, – подумала она, – и как можно скорее».

Но быстро сделать это не получилось. Жизнь закрутилась, завертелась, как мельничное колесо. Сначала Марию поглотили заботы о сыне Владимире.

Княгиня смотрела на подраставшего князя, радуясь его успехам и с горечью думала о так мало – всего двадцать шесть лет – прожившем супруге. Не успел он увидеть отпрыска, не успел полюбоваться будущим богатырем.

Да, Мария считала сына богатырем: уже в восьмилетнем возрасте он начал ходить в военные походы. Она не сомневалась: из него получится настоящий защитник земли Русской – и не ошиблась. Крепко сдружился он со своим двоюродным братом Дмитрием, позже прозванным Донским, почти с ним не разлучался. Вместе с ним они держали осаду Кремля, не дали захватить княжество Московское князю Литовскому и Русскому Ольгерду Гедиминовичу. Крепко ему тогда досталось, запомнил он братьев и этот урок, да так крепко запомнил, что решил больше с ними не ссориться и предложил в жены Владимиру свою дочь Елену.

Мария приняла невестку, всей душой потянулась к девушке. Очень уж ей хотелось, чтобы прожили они долгую жизнь и умерли в один день, чтобы не заглядывался ее Владимир на других – много красавиц на Руси.

А он и не заглядывался, жили с женой в любви и согласии, деток воспитывали. Елена терпеливо ждала супруга из всех военных походов и молилась за него перед Куликовской битвой. Да и сам Владимир перед сражением по монастырям поездил, со многими старцами поговорил. Все предрекали ему победу, а он и не сомневался: разве можно проиграть сражение на своей земле?

И не ошибся князь: вместе с Дмитрием разбили они полчища Мамаевы, получив прозвища за дела ратные: Владимир Храбрый и Дмитрий Донской.

Мысли Марии часто обращались к Куликовской битве. Очень уж ожесточенной она была, много воинов полегло на поле, не одна жена вдовицей стала, не одна мать осиротела. Шли несчастные со своими горестями и бедами к княгине в ее терем, плакали, жаловались на судьбу. Вот тогда она и вспомнила давний разговор с Сергием Радонежским о монастыре. Тогда он намекнул, что время еще не настало, и оказался прав. Вот когда настало время, в лихую для Руси годину, твердо решила Мария основать монастырь, чтобы шли туда вдовы и матери и молились за своих воинов.

И стала Мария подыскивать место для будущей обители. Много мест посмотрела, много дум передумала – и остановилась на Кучковом поле. Не зря остановилась. Понравился ей высокий холм на берегу реки Неглинной. Мало того, что место живописное, с холма такие виды открываются, что дух захватывает, так еще и спокойное. С севера враги никак не смогут напасть, речка мешает. Да и вообще будет монастырь защищать землю Русскую от набегов молитвами, станут инокини молиться за мир.

Спозаранку поехала княгиня на холм, забралась на вершину и осмотрелась, словно убеждаясь, что лучшего места не найти. По берегу Неглинной шла дорога на север. Другая вела к обители Сергия Радонежского, напоминая, что все в семье княгини были его духовными детьми.

Махнула Мария рукой и проговорила:

– Так тому и быть, здесь стоять обители.

Знала женищина, что дел теперь будет невпроворот. И не потому, что надо будет следить за работой зодчих. Хорошие есть мастера, они в два счета возведут здание. Дело это, конечно, нелегкое и затратное, каменных зданий на Руси немного. Даже ее просторный княжеский терем, украшенный резными карнизами, расписанный внутри и снаружи красками и позолотой, жилище златоверхое и узорчатое, с резными наличниками, был деревянным. А вот обитель она решила возвести каменную. Конечно, не в здании дело, дело в самом духе, который должен пропитать святые стены. В новом монастыре поселятся женищины, ими будет управлять матушка – игуменья. Рассказывали ей, что в Греции, в первом женском монастыре, именно игуменья наставляет послушниц. Подумала Мария и о том, что она создаст первый

на Руси женский монастырь, до этого монахини ютились при мужских монастырях. А где это видано, чтобы мужчины и женщины в одной обители жили!

– Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, – окончательно решила княгиня, помня о Куликовской битве – пришла она на праздник Рождества Божьей Матери – и стала медленно спускаться с холма, утвердившись в мысли, что первоначально искусные зодчие поставят собор каменный, а потом и кельи. Будут стекаться сюда женщины со всей Руси, богатые и бедные. И будет она преклоняться в молитве вместе с ними, благодаря Господа за то, что вернулся ее сын Владимир израненный, но живой. Не станет эта обитель, по примеру других, крепостью. Защитит страну не суровыми толстыми стенами, а горячей молитвой.

Сказано – сделано. Вскоре закипела работа. Лучшие архитекторы и каменотесы Руси собрались в этом месте. Мария с утра до вечера интересовалась строительством, выходила из терема и осматривала постройки. Да, здесь будет собор, а здесь – монашеские кельи.

Когда, наконец, все было закончено и на берегу Неглинной вознесся ввысь своим куполом Рождественский монастырь, потекла сюда река несчастных вдов воинов Куликовской битвы. И вознеслась к Богу горячая молитва насельниц.

Мария знала каждую женщину. Были среди них и очень богатые, и совсем бедные, жены и матери незнатных защитников земли Русской, погибших на полях сражений. И велела княгиня поставить монастырские кресты «под луной» – изобразить на крестах собора полумесяцы – в память великой битвы. И послала Мария весточку своему духовному наставнику Сергию Радонежскому, чтобы приехал и почтил новую обитель своим присутствием. Не отказал святой своей духовной дочери, сразу прибыл, освятил новые, пахнувшие известью стены и вручил игуменью устав монастыря.

– Это ты хорошо придумала, – похвалил он Марию. – Пойдет о сей обители слава по Руси. Вот, и исполнила ты свое предназначение – стала хорошей матерью князю Владимиру и основательницей такого храма.

Женщина опустила глаза:

– Теперь думаю и постриг принять. Что скажешь?

Старец положил ей на голову свою морщинистую руку:

– Дело говоришь.

Она схватила его ладонь и поцеловала:

– Спасибо тебе за все.

Ободренная словами духовного отца, Мария постриглась в монахини под именем Марфа. Много добра делала она сестрам, никогда никто не слышал от нее худого слова. И когда, в Филиппово говение, на память святого пророка Аввакума, снежным декабрьским днем она преставилась, долго оплакивали ее насельницы и погребли в обители, ею же и созданной и ставшей родным домом.

Долго оплакивала свекровь и Елена Ольгердовна, говорила своему мужу сквозь слезы:

– Поистине святая женщина Мария.

Князь кивал и соглашался, вспоминая, как долго не было у них детей и как мать предложила поехать к духовному отцу, Сергию Радонежскому, и попросить благословение на строительство монастыря в честь Зачатия Богородицы.

Знала княгиня, что основание таких обителей помогает бездетным парам – и не ошиблась. Через десять лет супружества родила Елена первенца Ивана, а потом еще шестерых. На крестины звали Сергия Радонежского, вместе с ними возносили молитвы Богу и Богородице.

– Я тоже приму постриг, если Господу будет угодно, чтобы я тебя пережила, – произнесла вдруг Елена Ольгердовна.

Ничего не ответил ей Владимир. Он и понимал, и не понимал жену. По законам, после смерти князя его супруга становилась главой рода, «матерью вдовой», имевшей право занимать место в обществе, соответствовавшее своему положению: участвовать в государ-

ственных делах вместе с боярами. Но знал князь, что общественная сторона жизни его супругу почти не интересовала, гораздо больше пеклась она о духовной стороне и потому помогала обители, созданной ее свекровью.

– Женщины тоже способны на великие подвиги, – изрек Владимир Храбрый и с уважением посмотрел на жену.

Она потупилась, опустила глаза. Хотела сказать, что не нужно бросаться громкими словами, но промолчала, вспомнив Марию.

А когда Бог призвал к себе ее любимого супруга и всех семерых сыновей – нет страшнее горя для матери, приняла постриг с именем Евпраксия, чтобы поселиться в обители, такой дорогой для их семьи, а почувствовав приближение смерти, продиктовала заветание, заветав монастырю четыре села и мельницу в устье Яузы. И тихо упокоилась рядом с любимой свекровью, чтобы молиться с ней в жизни вечной так, как они молились в жизни земной.

Глава 2. Приморск, наши дни

Вика отодвинула стакан со своим любимым томатным соком и с отвращением посмотрела на круассан. Есть не хотелось, мутило при одной мысли о пище. Она подумала, что зря приняла приглашение подружки Лили и отправилась с ней в кондитерскую, лучше бы вернулась домой после работы и провела время с детьми: они всегда помогали ей справиться с мрачными мыслями, которые сейчас налетали на нее, как хищные птицы, и рвали крепкими клювами ее измученную душу.

Высокая, худая, очкастая Лиля, которую в детстве дразнили Паганелем, бросила на Вику понимающий взгляд и произнесла:

– Знаю, ты коришь меня за то, что затащила тебя в эту проклятую кондитерскую. Но пойми правильно, я не могу видеть тебя такой. И притом, твоя любовь к сладкому вряд ли куда-то улетучилась. В школе ты слыла сладкоежкой, думаю, и мединститут тебя не изменил.

Вика вздохнула:

– Сейчас моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Подруга нахмурилась:

– Не понимаю.

– Ты же знаешь, что у меня есть причина для беспокойства.

Лиля взяла ее руку в свои теплые ладошки:

– Дорогая, никакого «до» и «после» нет, еще ничего не известно. Ну почему ты поставила себе самый страшный диагноз?

– Потому что я врач, – Вика взяла в руки салфетку и принялась разглядывать узоры. – Решительно все признаки опухоли, поверь. Остается надежда на доброкачественность, но она такая слабая.

Лиля ободряюще улыбнулась:

– Уверена, все будет хорошо. Зря ты вмешала сюда Дениса, мужчины ко всему относятся легкомысленно. Может быть, анализы уже пришли на его почту, а он не видел. Забегался, замотался... Заболтался с молодыми медсестрами.

Вика покачала головой:

– Этого не может быть. Он знает, как я волнуюсь. Да, я попросила прислать результаты на его емейл, потому что ужасная трусиха. По мне, лучше оттянуть неприятный момент, чем сразу кинуться в прорубь с головой. Это особенность моего характера, понимаешь? Муж всегда смеялся: мол, лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

– Ты всегда была странная, – хихикнула подруга и придвинула к ней круассан, – а теперь послушай моего совета: выпей сок, съешь пирожное, и сразу станет легче. Ты всегда любила круассаны с молочным кремом.

– Не могу, – женщина в который раз оттолкнула от себя тарелку, и, увидев расстроенное лицо Лили, смягчилась: – Ладно, сок выпью. А круассан ешь сама, если хочешь. Мне кусок в горло не лезет.

– Вот и молодец, – Лиля посмотрела на подругу, люблюсь ею.

Густые смоляные, волосы Вики были подстрижены под каре, и эта прическа делала ее похожей на Мирей Матье. Умное тонкое лицо, строгий взгляд – все выдавало в ней женщину из хорошей интеллигентной семьи. Про таких еще говорят: «в них чувствуется порода». Правда, про родословную Вика никогда не распространялась, Бог весть, каких она была кровей, подруга не удивилась бы, если бы и дворянских. А насчет образованности и интеллигентности – в самую точку: папа – офицер, мама – учительница. Отец Вики, полковник запаса, помог дочери с зятем Денисом приобрести клинику, видать, когда-то хорошо зарабатывал.

Лиля немного завидовала подруге, у которой все получалось в жизни: и поступление в медицинский институт, и создание семьи с самым красивым, умным и перспективным студентом. Ходили слухи, что ее папа – полковник за клинику выложил не последние деньги, остались у него финансы – и немалые, что у Вики огромное наследство, добытое всякими дедушками – бабушками не совсем честным путем, и Лиля этим слухам верила. Слухи никогда не рождались на пустом месте. Кроме того, она не раз бывала в родительской квартире подруги и поражалась и диковинным вещам, скромно стоявшим в шкафу за стеклом, и люстрам, способным украсить даже Большой театр, и картинам на стенах – наверняка, подлинникам.

Злые языки болтали, что многое, не предназначенное для чужих глаз, хранилось на антресолях. Длинные пальцы Виктории украшали бриллиантовые кольца, менявшиеся с поразительной чистотой, и Лиля чувствовала, что бывшая одноклассница живет не только на доходы от клиники.

Везет же некоторым! И зря она так «кипит» по поводу своего диагноза. Если что – папочка выложит денежки, и все будет тип-топ. Не нужно верить поговорке, что здоровье не купишь. Купить можно что угодно, дело лишь в цене.

Вика наконец допила сок и отставила стакан.

Лиля опустила глаза, будто боясь, что подруга проникнет в ее мысли.

– Вот и молодец, возьми круассан с собой. Детей угостишь.

– Одним на двоих? – усмехнулась Виктория, но круассан взяла. – Знаешь, я, пожалуй, потороплюсь. Денис может не позвонить, а сразу приехать домой. Если у меня что-то серьезное, он захочет быть со мной в такой момент...

– Конечно, хотя насчет серьезного, я сомневаюсь, – Лиля тоже поднялась и сжала локоть Виктории. – Только сразу сообщи результат, договорились?

Женщина кивнула.

Глава 3. Приморск, наши дни

Денис сидел у компьютера и пил чай со сладким пирожком. Его коллега Тамара, врач – эндокринолог, высокая миловидная блондинка с такими длинными наклеенными ресницами, что они касались высоких бровей, примостилась напротив и не отрывала глаз от своего шефа.

Под ее пристальным взглядом мужчина почувствовал неловкость, покраснел и, улыбнувшись, выдавил:

– Ты во мне дырку просверлишь.

Нисколько не смутившись, Тамара достала из сумочки пачку сигарет и выудила одну:

– Что делать, если ты мне нравишься? Тебе говорят, что ты потрясающе красивый мужчина? На такого и посмотреть приятно.

Денис смутился:

– Я не женщина, чтобы млеть от таких слов.

Женщина тряхнула головой и прикурила от серебряной зажигалки:

– Это приятно каждому человеку. Интересно, твоя Вика напоминает тебе об этом?

Он скривился и недовольно дернул плечом – ее фамильярность порой раздражала до чертиков:

– Допустим. Какое тебе дело? Кроме того, ей сейчас не до моей красоты.

Женщина глубоко затянулась и выпустила дым красивым белым колечком:

– Знаю. Ты уже получил ее анализы?

Денис покачал головой:

– Еще не смотрел. Знаешь, ее страх передался и мне. И, прошу тебя, если так необходимо покурить, выйди на улицу или как следует открой окно. Меня тошнит от дыма.

Тамара поднялась и затушила в пепельнице едва начатую сигарету.

– Ладно, не дергайся. Если у тебя не хватает духа, давай я посмотрю результат.

– Спасибо, лучше не мешай, – она хотела обнять его за плечи, но Денис оттолкнул ее руки и открыл электронную почту. – Ответ пришел.

Почувствовав дрожь в пальцах, мужчина открыл файл и пробежал глазами по строкам.

Черт возьми, этого он не ожидал. Предчувствия Вики оправдались. Господи, как ей сообщить? Как? Она сойдет с ума. Последние три ночи она не смыкает глаз и почти ничего не ест. И это при том, что оставалась маленькая надежда на лучшее. А теперь...

Тамара, внимательно следившая за выражением его лица, сразу все поняла.

– Твоя жена не ошиблась?

Он резко побледнел:

– Не знаю, не представляю, как ей сказать.

Коллега снова обняла его, и теперь он ее не оттолкнул.

– Дай поглядеть. – Женщина прищурилась. – Ты внимательно прочитал или от испуга разучился думать? Не все так плохо, Денис. Ну, посмотри сюда. Конечно, далеко не все хорошо, но если не станете медлить с операцией, ее можно спасти. – Она растянула губы в улыбке: вишневая помада делала их непомерно большими. – Да ты и сам все видишь.

– Вижу, не слепой, – глухо отозвался он. – Вике придется удалить все детородные органы. Не знаю, как она это переживет.

Тамара хмыкнула:

– Она переживет, уверяю тебя – не первая и не последняя. А вот насчет вас, товарищ супруг, прогнозы давать не стану.

– А причем тут я? – удивился мужчина, и коллега состроила сочувственную мину:

– Я слышала, мужья часто разводятся с такими женщинами, потому что начинают ими брезговать.

– С чего это я должен ею брезговать? – Денис в изумлении приподнял светлые брови. – Она моя жена. В жизни случается, что люди заболевают, и серьезно. И только сволочи оставляют их наедине с бедой.

Тамара опустила глаза и проговорила:

– Не злись. Мне известно: многие после этого начинают считать своих жен неполноценными, что ли. Но бывают исключения, и, может быть, ты из их числа.

– Я из их числа, – подтвердил Денис и взял мобильный. Он понимал, что неприятного момента не избежать. – А теперь пожелай мне удачи. Пришло время позвонить Вике.

Тамара махнула рукой:

– Удачи.

Денис подождал, пока она вышла из кабинета, но жену не набрал, так и не решился.

Он искал нужные слова, но они, как назло, не находились или звучали слишком банально, в конце концов, промучившись минут пять, отчаявшийся супруг решился позвонить и сообщить неприятную новость, приправив горечь тем, что не пожалеет денег на лучшую клинику в стране или за рубежом.

В тот момент мужчина понимал, что это мало ее утешит.

Глава 4. Русское царство, 1524 г

Соломония Сабурова сидела в душиной опочивальне и грустно смотрела вдаль. Слюдяное окошко было распахнуто, но с улицы шел горячий летний воздух, насыщенный пылью и прелыми листьями.

Женщина вспоминала день, когда впервые увидела своего мужа, Василия Ш. Однажды они с великим князем, его отцом, подъехали ко двору ее отца, боярина Юрия Сабурова, и Иван Васильевич о чем – то долго говорил с ее батюшкой.

Молодой князь сидел в седле, как влитой, и Соломония, выглядывавшая из горницы, поразилась его горделивой осанке. Худое вытянутое лицо Василия не было красивым, крючкова-тый нос, как у матери Софьи Палеолог, придавал ему хищное выражение, тонкие губы кривились в улыбке, и девушка вдруг отогнала от себя мысль, так неожиданно пришедшую в голову: «Однажды он на мне женится».

Когда отец, проводивший князей до околицы, вернулся в дом, Соломония бросилась к нему.

– О чем вы говорили, батюшка?

Боярин усмехнулся в рыжеватую бороду.

– Великий князь по монастырям путешествует, после болезни захотелось ему с мона-хами пообщаться, к святым мощам прикоснуться. После смерти жены удар его хватил, ослеп он на один глаз. Кроме всего прочего, Иван Васильевич ищет своему сыну Василию невесту. Нас тоже в Москву зовет. Сказывает, видел тебя однажды княжич на ярмарке, пригляну-лась ты ему.

Девушка покраснела. Неужели шальная мысль не была случайной, а желание – несбы-точным?

– Батюшка, на Руси много знатных невест краше меня, – скромно ответила Соломония.

Отец смерил ее недовольным взглядом.

– Да не все достойны великого князя. Готовься, дочка. Как только гонец от Ивана Васи-льевича прискачет, сразу в Москву поедем.

Соломония кивнула, кинулась в опочивальню и припала к зеркалу. Оно отразило красивую девушку с белоснежной кожей, черными соболиными бровями и красными пухлыми губами.

«Хороша», – улыбнулось ей отражение, и девушка зарделась.

– Нет, не хороша. Есть лучше меня.

Послышался звук шагов, в комнату вбежали тетушки, заменившие ей мать, и напере-бой затараторили. Известие о том, что Соломония может стать женой великого князя, их поразило и обрадовало.

– Красавица ты наша, лебедушка, – кудахтали тетка Евдокия. – Верю, что Василий тебя выберет. Нет никого лучше нашей ладушки.

Вторая тетка вторила ей:

– Красавица, лебедушка.

Соломония закрылась платком и бросилась в сад.

С этого дня она выходила на дорогу и смотрела, не покажется ли в облаке пыли княже-ский гонец. Он все не ехал, и девушка стала думать, что Василию уже нашли невесту, более знатную и красивую. Род у нее, у Соломонии, хоть и боярский, древний, но бедный, захудалый.

Но однажды отец уведомил ее, что великий князь прислал весточку, и нужно собираться в Москву. По дому забегали няньки и тетки, складывая одежду в сундуки, и девушке стало страшно. Из рассказов она знала: вместе с ней на смотрины приедут полторы тысячи кра-савиц со всех концов Руси.

Тетки и няньки забежали еще быстрее, боясь, что какую-нибудь нужную вещь не положили в сундуки, и вскоре Соломония с Евдокией и отцом, Юрием Сабуровым, отправились в столицу. Там они поселились у дальней родственницы, худой юркой вдовы, и вскоре последовало приглашение посетить смотрины, которые проходили в Грановитой палате.

Боярин и Евдокия радовались, как дети, и лишь Соломония страшно боялась: она не верила, что княжич выберет ее.

Когда вороные кони понесли их во дворец, девушка съезжилась в кибитке и заплакала. Тетка Евдокия вторила, будто под тяжестью мыслей о предстоящей церемонии, и Юрий недовольно взглянул на дочь.

– Ишь, бледная какая! Гони свои страхи, не то действительно Василию не глянешься. И реветь прекрати.

Тетка Евдокия как-то сразу угомонилась:

– Верно говорит батюшка.

Наконец езда немного успокоила Соломонию, и она с интересом посмотрела в маленькое окно кибитки. Девушка никогда не видела столько церквей, и не маленьких, а больших и величественных. Кибитка неслась по улице между деревянными домами московских бояр, которые устремлялись вверх, как столбы, и своими очертаниями напоминали шатры.

Наконец кони поднесли их к московскому кремлю, и Сабуров помог дочери выйти. Их провели в Грановитую палату, и Соломония снова поразилась княжеской роскоши.

Грановитая палата оказалась огромным залом, крестовые своды которого опирались на центральный столб, украшенный золотыми и серебряными сосудами. Зал ничем не освещался: света, лившегося из восемнадцати окон, было вполне достаточно. Пахло какими-то благовониями, и у девушки слегка закружилась голова. В ушах звенело от разноголосицы претенденток, одетых в богатые платья, расшитые золотыми нитями.

Соломония не видела их лиц, но все они казались ей очень красивыми, гораздо красивее ее и, наверное, знатнее. А вскоре появились Иван Васильевич, волочивший за собой парализованную ногу, и Василий, выглядевший грустным и усталым.

Отец и сын сели на возвышении, и Иван Васильевич то – то сказал дьяку. Тот развернул длинный список невест и принялся выкрикивать имена. Девушки по очереди делали круг по залу, кланялись великим князьям и возвращались к родственникам, придирчиво осматривавшим конкуренток.

Наконец выкрикнули ее имя, и отец подтолкнул красавицу:

– Иди!

«Будь, что будет», – решила Соломония и вдруг успокоилась.

Кто-то невидимый будто перенес ее из дворца в какое-то другое место, где не было ни князей, ни бояр, ни разнаряженных девиц.

Девушка подбоченилась и поплыла по залу, сознавая, что она красива, грациозна и, как никто, достойна стать женой княжича. Она не видела, как смотрел на нее Василий, как что – то сказал Ивану Васильевичу, и, когда вернулась на место, Сабуров приобнял ее:

– Молодец! Плыла, как лебедушка!

– Батюшка, давай уедем отсюда! – взмолилась девушка. – Грудь теснит, дышать нечем. Прошу тебя, давай уедем.

Отец неожиданно согласился:

– Что ж, давай. Думаю, сегодня наш Князюшка ничего не решит. Завтра все узнаем.

Стоит ли говорить, что ночь выдалась для девушки бессонной? Да и с рассветом она не увидела покоя, целый день не ела и не пила. А к вечеру стало известно, что из всех невест Василий выбрал ее, Соломонию Сабурову.

А потом – свадьба и скучные будни жены великого князя, ненависть приближенных, не желавших принимать безродную, как они считали, за царицу.

Хорошо, что Василий любил ее, называл «лебедушкой» и другими ласковыми словами. Жили они первое время в любви и согласии, и только на третьем году совместной жизни муж стал хмуриться.

Соломония понимала причину его недовольства: Бог не давал им детей. А ее повелителю, ребенок, наследник, был очень нужен, не желал он ни с кем делиться властью. Надо было срочно что-то предпринимать, иначе муж станет считать ее бесплодным деревом, которое лучше срубить, чем за ним ухаживать.

Глава 5. Приморск, наши дни

Новость, сообщенная Денисом, раздавила, подмяла Вику под себя, как неуправляемый автомобиль, и она без сил опустилась на кровать, внезапно почувствовав себя одинокой.

Да, муж обещал поддержать ее, заверил, что далеко не все потеряно, но его слова не улучшили настроения. Тем не менее, Вика мужественно выслушала свой приговор и только потом дала волю слезам.

Первым ее побуждением было позвонить родителям, но, поразмыслив, она решила не расстраивать мать и отца. Господи, за что ей это? Еще недавно в ее жизни все было так хорошо: прекрасная работа, любящий муж, двое прекрасных деток...

Женщина в отчаянии приподняла черные волосы, и в памяти внезапно всплыл один случай пятилетней давности. Они с Денисом только отпраздновали в ресторане годовщину свадьбы и вышли на улицу. Муж побежал искать такси, а она присела на пустой скамейке возле ресторана, под старым каштаном. Откуда появилась та цыганка – средних лет, чернявая, как грач, с растрепанными вьющимися волосами, в пестрой одежде, Вика так и не поняла. Женщина тряхнула цветастой юбкой, поправила косынку, наклонилась к ней и отчетливо произнесла:

– Беды тебя ждут. Если ручку позолотишь, все расскажу подробнее.

Вика замотала головой:

– Нет у меня денег. Кошелек у мужа остался. Хочешь – подожди его, он скоро придет. – Она удивлялась сама себе: всегда смеялась над теми, кто слушал подобные предсказания, а тут – на тебе...

Женщина подумала, что ей до смерти хочется услышать это предсказание, и она не пожалела бы денег. И алкоголь тут ни причем, в тот вечер она выпила всего один бокал шампанского. – Правильно делаешь, что не прогоняешь меня, – цыганка уселась рядом, обдав Вику каким-то терпким запахом. – А деньги у тебя есть. Погляди в правом кармане брюк.

Вика сунула руку в маленький кармашек и достала сто рублей. Странно, когда она успела их туда сунуть?

Цыганка аккуратно взяла у нее бумажку и подмигнула:

– Видишь, как получается. Порой мы многого о себе не знаем. Вещи у тебя в доме есть, не твои они. Кровь на многих, а такие не приносят счастья, лишь беды за собой тянут. Если в ближайшее время от них не избавишься, тяжело заболеешь и мужа потеряешь.

– Я никогда не брала чужие вещи, – парировала Вика. – Ты меня с кем-то путаешь.

Цыганка положила ей на колено свою горячую руку:

– Ничего я не путаю. Не поверишь мне – много горя хлебнешь.

К ресторану подкатил серебристый «Мерседес» с шашечками на крыше, и радостный Денис помахал жене из салона:

– Садись.

Вика оглянулась на цыганку, чтобы еще раз сказать ей об ошибке, но той уже простыл и след.

Женщина забралась на заднее сиденье и прижалась к супругу:

– Я сейчас разговаривала с одной гадалкой. Она такое мне наговорила.

– Слушай их больше, – отмахнулся Денис. – А если что ужасное сказала, плюнь и забудь. У них одно на уме – денег побольше срубить.

Вика действительно забыла о предсказании до сегодняшнего дня. А сегодня... Означало ли это, что цыганка предсказала ей будущее? Наверное, надо было дослушать ее до конца.

Дрожащими руками она налила воду в стакан и залпом выпила. Цыганка говорила о каких-то вещах, обогранных кровью. Господи, какую же вещь она имела в виду?

Когда раздался звонок в дверь, женщина побледнела. Если это родители, удастся ли ей сохранить самообладание? В конце концов, не все так безнадежно. Денис и его коллега Тамара сказали, что операция ей поможет. Значит, надо бороться и побеждать.

Она открыла дверь, и подруга Лиля, раскрасневшаяся от быстрой ходьбы, в очках, сбившихся набок, бросилась ей на шею.

– Я все знаю, дорогая. Извини, но я не выдержала, позвонила Денису, он мне все и сообщил.

– Наоборот, это хорошо, – Вика еле выдавила улыбку. – В противном случае, мне пришлось бы все тебе рассказать и заново пережить этот ужас.

Лиля скинула босоножки, прошла в комнату и села на диван.

– Денис убеждал меня, что операция тебе поможет, – она дотронулась до вазы с белыми розами. – Я бы на твоём месте так не паниковала. Сделаешь операцию и обо всем забудешь.

Вика присела рядом:

– Может быть, но я подумала о другом. Помнишь, я говорила тебе о цыганке, которая предсказала мне печальное будущее? Это было лет пять назад.

Подруга наморщила лоб:

– Что-то такое припоминаю. Вроде бы она плела о какой-то вещи, которую ты украла. Но это же смешно, Вика. Ты же грамотный человек.

– Сначала и я так думала, а теперь не знаю, – женщина покачала головой. – Тяжелая болезнь у меня уже есть, осталось дожидаться ухода мужа.

Лиля замахала руками:

– Прекрати сейчас же! Разве тебе не известно, что к гадалкам не ходят потому, что они могут нагадать несчастье.

– Нагадать? – удивилась Вика. – Как это – нагадать?

– Да очень просто, – продолжила подруга. – Представь: тебе сказали, что в будущем тебя станут преследовать несчастья. Ты усиленно начинаешь об этом думать. Ну, а мысли, как известно, материализуются.

– Но я не думала о ее предсказании до сегодняшнего дня, мало того, забыла начисто, – Вика сплела пальцы, – так что твое объяснение не подходит.

– Хорошо, – не сдавалась Лиля. – Пойдем другим путем. Цыганки предсказывают болезнь почти всем. А людям свойственно болеть. Тяжелая болезнь – это не обязательно онкология. Можно заболеть и без всякого предсказания. Вика, – она положила руку на запястье подруги, – если ты станешь думать о том, что Денис с тобой разведется, я перестану тебя уважать.

Вика вздохнула:

– Твои мысли созвучны моим. Во всяком случае, мне хотелось бы думать, что болезнь просто совпадение.

– Вот и думай, – приказала Лиля. – А остальное гони от себя. Все будет хорошо, вот увидишь. Впрочем, что я тебя убеждаю? Я всего лишь скромный программист, ни черта не соображающий в медицине, а ты дипломированный врач.

– Надеюсь, что мы с Денисом и Тамарой не ошибаемся, – слова подруги немного приободрили женщину. – Ладно, пойдем на кухню. Подозреваю, что ты пришла не с пустыми руками. Из твоего пакета за версту несет круассанами.

– Я знаю, что для снятия стресса ты кушаешь сладкое, – Лиля хихикнула и заговорчески подмигнула. – И в пакете у меня действительно круассаны. Пойдем, заварим мне мой любимый, с бергамотом. И не тяни с операцией. Чем скорее отделаешься от этого, тем раньше вернешься к нормальной жизни...

Глава 6. Русское царство, 1524 г

Соломония последнее время не находила себе места. Волнения сказывались на ее внешности: румяные щеки побледнели и впали, в волосах появилась седина, лучиками разбежались возле глаз «гусиные лапки».

Евдокия Ивановна с болью смотрела на племянницу.

– Чахнешь ты, Соломонюшка, доходишь. Так и до смерти недалеко.

Молодая княгиня кивала и роняла слезы:

– Бросит он меня, тетушка. Не имею я права быть бесплодной. Тут дело уже не личное, а государственное. Василий считает, что один хозяин должен быть у земли русской.

Тетушка вздохнула:

– Слезами горю не поможешь. Знаешь, Соломонюшка, слышала я об одной колдунье, говорят, от бесплодия лечит. Что, если нам к ней обратиться?

Княгиня еще больше побледнела:

– С ума ты сошла, тетушка. Знаешь, что Василий сделает, когда узнает? Казнят меня за колдовство.

Евдокия Ивановна взмахнула длинными рукавами нарядного опашия, расшитого золотыми и серебряными нитями.

– А как он узнает, милая? Я сама к этой Стефаниде – так ее кличут – сбегаю, предупрежу, что не простые люди к ней обращаются, ежели кому расскажет, может жизни лишиться. Думаю, ей не будет трудно язык за зубами держать.

Соломония задумалась, заиграли ямочки на щеках.

– Ну, не знаю, тетушка, не по-человечески как-то.

Тетка стукнула клюкой:

– А по-человечески, если он тебя со двора погонит? Власть у него большая, неизвестно, что с тобой сделают. Подумай, лебедушка моя.

Молодая женщина сжала кулачки:

– Согласна я, тетушка. Веди свою Стефаниду.

Евдокия Ивановна перекрестилась:

– Сама я тоже молчок. Гляди, ты не проговорись. Знаю, как ты своего Василия любишь. Не стоит он такой любви.

Соломония ничего не ответила.

Тетка оперлась на клюку:

– Ивану разве что сказать? – проговорила она. – Иван тебя любит, он ни за что не проговорится.

Молодая девушка размышляла над ее словами. Брат Иван, действительно, очень любил ее. Но одобрит ли он обращение к колдунье? Как-никак верой и правдой служил ее мужу, был кравчим, следил за тем, чтобы за царским столом ни еда, ни питье не были отравлены. Захочет ли он обманывать своего повелителя? Допустим, не захочет. Но будет ли доволен, если повелитель расправится с его сестрой? Удастся ли тогда Ивану удержаться при дворе?

Соломония решительно смахнула слезы:

– Посвяти Ивана в нашу тайну, тетушка. Так для всех будет лучше.

– Верно, верно говоришь, голубушка, – засуетилась Евдокия Ивановна. – Все хорошо будет, ты не печалься.

Глава 7. Приморск, наши дни

Денис тупо смотрел на экран монитора, не пытаясь открыть новости в «Яндексе», что он делал каждый раз, когда садился за компьютер.

Тамара, сделав глубокую затяжку и выпустив из ноздрей сигаретный дым (до лампочки ей просьбы не курить в кабинете), дотронулась до его плеча:

– Почему грустим, начальник? Насколько мне известно, операция прошла отлично, и твоя жена почти здорова. Разве это не так?

Денис скривился:

– Это все так.

– Тогда почему у тебя такое кислое лицо?

Он с неприязнью взглянул на коллегу:

– Разве я на исповеди?

Женщина пожала плечами:

– Не хочешь – не говори. За язык тебя никто не тянет.

Доктор вздохнул:

– Ладно, твоя взяла. Мне нужно выговориться. Помнишь, ты сказала, что мужчины после таких операций часто начинают испытывать брезгливость к жене и не могут жить с ней как с женщиной?

Она кивнула:

– Допустим.

– Ты оказалась права, – Денис дернул себя за мочку уха, что делал в минуту крайнего волнения. – Мы не спим уже два месяца. И я умалчиваю о причине.

Тамара подняла нарисованные брови:

– И как ты объясняешь свою холодность? Вика наверняка интересуется, что мешает вашим прежним отношениям.

Он махнул рукой:

– Придумываю разные глупости: дескать, после операции прошло мало времени, швы могут разойтись. Понимаю, что это чушь, но не могу придумать ничего лучшего. Мне кажется, она все понимает, только боится узнать правду.

– Может быть, нужно время? – деликатно предположила Тамара.

Он покачал головой:

– Мне так не кажется.

– Сходи к психиатру, – посоветовала женщина.

– Сдурела, что ли? – огрызнулся врач. – По— твоему, я ненормальный?

– Ну что ты, – Тамара встала, подошла к Денису, обняла за плечи и потерлась о его спину бюстом Памелы Андерсон. – Есть еще один вариант. Заведи любовницу. Тебе, в отличие от Вики, нужен секс.

Мужчина оттолкнул ее руки:

– Я никогда ей не изменял.

Тамара призывно улыбнулась полными губами, накрашенными ярко-красной помадой:

– Так измени. Мы все когда-то делали в первый раз.

– Для меня такое предложение неприемлемо и противно, – буркнул он, но женщина не отставала:

– Не торопись. Вдруг тебе понравится? Попробуй. Тем более, и любовницу искать не нужно. Тебе прекрасно известно, – она сделала паузу и выпалила: – что я давно в тебя влюблена. Только ты никогда этого не замечал.

Денис поморщился:

– Это тебе нужно сходить к психиатру.

– Я – то как раз здорова, – она коснулась губами его уха, – а вот ты...

Он резко встал, чуть не опрокинув стул:

– Отвали, Тамара.

Женщина обиженно надула губы. Как всегда, красная кайма помады делала их кровавыми, вызывала ассоциации с вампирами, напившимися человеческой крови.

– Ну, и возись со своей женушкой. Я всегда считала тебя слабаком и подкаблучником. Ты, наверное, думаешь: раз ее папаша дал деньги на клинику, ты обязан им по гроб жизни.

– Уйди, – снова отмахнулся от нее Денис, и, нервно закурив сигарету, распахнул окно.

Тамара презрительно дернула ногой и вышла из кабинета. Она нисколько не обиделась на своего начальника. Нужно немного подождать, нужно каждую минуту напоминать ему, что он может получить столько секса, сколько захочет. А потом он сдастся. Мужики не могут без секса. Тамара была в этом уверена.

Глава 8. Русское царство, 1524 г

Колдунья Стефанида оказалась дородной высокой женщиной с черными с проседью волосами. Она неожиданно ласково улыбнулась Соломони, которую привела к ней Евдокия Ивановна.

– Вижу, мужу своему государю сказала, что в церковь едешь, – ее голос оказался, на удивление, приятным, грудным. – Вообще, мужа не обманывай. Тем, кто живет в обмане, счастья не видать.

– Ты только помоги мне, тетушка, – жалобно проговорила молодая женщина. – Мочи нет так жить, все жду, когда муж бросит.

Колдунья пригласила ее в избушку. Соломония подумала, что именно так и представляла жилище сказочной Бабы— Яги: черный кот на лежанке, по стенам развешаны пучки пахучих трав. Только хозяйка ничем не напоминала старушку с всклокоченными седыми волосами и крючковатым носом. Лицо у нее было молодое, чуть-чуть тронутое морщинами, взгляд болотных глаз поражал умом и ясностью.

Она усадила княгиню за стол и подала ей пишено:

– Зачерпни гость зерна и обратно в миску кинь.

Молодая женщина набрала в ладонь пишена и, сжав кулак и оставив тонкую щелку, наблюдала, как пишено сыплется едва заметной струйкой.

– Хватит, – Стефанида придвинула к себе миску и опустила туда руку. – Верно князь говорит, бесплодная ты. Не будет у тебя ребенка, во всяком случае, от Василия.

Княгиня похолодела:

– А что дальше, тетушка? К чему мне готовиться?

Колдунья снова зачерпнула пишено:

– Выгонит он тебя, любезная, но жизни не лишит.

Соломония всплеснула руками:

– Люблю я его, горемычная. Помоги мне мужа возле себя удержать. Я никаких денег не пожалею.

– Да вижу я, – усмехнулась Стефанида. – Ежели ко мне пришла, значит, на все готова. Думаешь, мне не ведомо, что за колдовство бывает?

Княгиня молитвенно сложила руки:

– Помоги!

– Попробую, – колдунья взяла кувшин с верхней полки. – Вода здесь заговоренная. Пей ее каждый день по полкружки и живот голый смачивай. Ежели не поможет, тогда уж ничего не сделаешь.

Молодая женщина растерянно заморгала:

– Совсем ничего? Не пугайте меня, тетушка. Мне сказывали, вы многое можете.

Колдунья пожала плечами:

– Скажи, по церквям с мужем ездила? Святым молилась?

Соломония с готовностью кивнула:

– Конечно, тетушка. Ездили мы с великим князем по монастырям Переяславля-Залеского. Сколько я поклонов била перед иконами, и не сосчитать. А совсем недавно в Троицкн обитель мы с Василием подарили покров с изображением основателя монастыря Сергия Радонежского да икону с молением о чадородии. На ней так и было написано: «Поддай же им, Господи, плод чрева». Да и в Москве мы постоянно об этом молились, ни один храм вниманием не обошли. Только не помогло ничего.

Колдунья опустила голову:

– И я об этом. Учти, я такой властью, как Бог, не располагаю. Ежели он детей не дал, вряд ли у меня получится.

Соломония прижала к себе кувшин, будто Стефанида собиралась его отнять:

– Тетушка, не лишай меня последней надежды, – жалобно проговорила она, вытирая слезы. – С мужем быть хочу. Люблю я его, и никто другой мне не нужен.

Женищина нахмурилась:

– Что ж, милая, я тебе все сказала. Ступай во дворец, да не протаривай сюда дорогу. Не ровен час, кто-нибудь узнает.

Молодая княгиня сжалась и выскользнула из избытки. Вслед за ней, стуча клюкой, вышла Евдокия Ивановна.

Глава 9. Приморск, наши дни

Вика ждала звонка мужа и удивлялась, почему Денис не дает о себе знать. Сегодня они договорились прогуляться по набережной с детьми, а он опаздывал на полчаса и не звонил.

Подобное уже случалось, и женщина начинала беспокоиться. С тех пор, как она вернулась после операции, муж не притрагивался к ней, отговариваясь то боязнь причинить ей боль, то головной болью, и Вика верила и не верила.

Лиля, с которой она поделилась, советовала прижать его к стенке и клещами вытянуть всю правду, но подруга отмахивалась. Она понимала, что сейчас не готова к плохим новостям. Разве мало ей того, что пришлось пережить?

Женщина еще раз взглянула на часы и поднялась, отряхнув платье. Их с Денисом клиника находилась недалеко от набережной, и она решила перехватить его на работе. Если вдруг нарисовался неожиданный пациент (на побережье все знали, что у нее мужа – хирурга золотые руки, даже самые влиятельные люди города обращались только к нему), они подождут его в ординаторской.

– Ася, Витя! – крикнула Вика, и дети, уже одетые и готовые к прогулке, прибежали из гостиной. – Надевайте сандалии. Мы идем к папе!

Пятилетний Витя, похожий на отца, такой же голубоглазый блондин, захлопал в ладоши: – Урааа!

Его сестра, десятилетняя Ася, черноволосая и смуглая, как мама, не выразила такого восторга. Она уже давно предпочитала родителям общество подружек.

– Надеюсь, это не на полдня?

Вика покачала головой:

– Разве мы так часто собираемся вместе? Впрочем, если ты так не хочешь идти...

Ася метнула в мать свой фирменный взгляд исподлобья:

– Ладно, ваша взяла.

Она дернула брата за руку, увлекая его на улицу.

Улыбнувшись, Вика посмотрелась в зеркало и вышла следом за детьми.

Маленький городок у моря, окаймленный высокими желтоватыми горами с пятнами зелени, летом всегда кишел курортниками. Женщина удивлялась, что за последние два года их количество не уменьшалось, вероятно, этому племени не были страшны никакие пандемии.

Пробираясь с детьми сквозь кричащую и смеющуюся толпу, пахнущую солнцем и морем, Вика с грустью думала, что теперь никогда не сможет вдоволь позагорать и поплавать в обеденные часы: ей это строго запрещалось. Раньше Денис предлагал семье прокатиться до дикого пляжа, посидеть в каком-нибудь санаторном парке с кипарисовой и можжевелевой аллеей, насладиться ароматом сосны, побросать камешки в почти пересохшую горную речку, но это было раньше. Вот уже полмесяца муж не выказывал желаний куда-нибудь податься, ссылаясь на усталость после работы. Но правду ли он говорил?

Вика оставила детей в маленьком садике возле клиники, в котором ранней весной сама высаживала розы, и поднялась на второй этаж к мужу.

Администратор, поздоровавшись с владелицей и равнодушно справившись о ее здоровье, так же равнодушно бросила, что Денис Николаевич около часа назад закончил операцию и отправился в ординаторскую.

Вика еще больше удивилась. Никто из пациентов не ломился на прием к мужу, в коридорах было пусто, в обеденное время из-за палящего солнца и духоты народ ходил к врачам только по крайней необходимости. По всем расчетам, муж давно должен был ей позвонить.

Она толкнула дверь ординаторской, но та оказалась запертой. Вика громко постучала и позвала: «Денис».

Дверь тут же распахнулась, словно она произнесла волшебное слово вроде «сим-сим», и женщина увидела супруга. Голый, он сидел на диванчике, не успев прикрыться простыней, и Вика почему-то подумала, что муж за последнее время сильно прибавил в весе.

Тамара, в одних трусах, стояла у стены и улыбалась своими полными губами с размазанной красной помадой.

– Ну вот, теперь ты все знаешь, – радостно сказала она. – Мы уже устали тебя обманывать. Денис любит меня. Готовься к разводу.

Вика продолжала тупо смотреть на мужа. До нее не сразу дошел смысл слов, сказанных Тамарой.

– Я же сказала, мы любим друг друга, – соперница начинала опасаться, что ее любовник испугается, станет оправдываться, и эта курица Вика его простит.

Вика равнодушно скользнула по ней взглядом и снова посмотрела на мужа.

– Это правда?

– Одевайся и выйди, – приказал он Тамаре и потянулся за трусами и брюками. – Я хочу с ней поговорить наедине.

Любовница медленно, будто наслаждаясь, натягивала платье, впрочем, она действительно упивалась ситуацией:

– Раз ты настаиваешь...

Денис проводил ее глазами и повернулся к жене:

– Тамара права. Это к лучшему.

Вика растерянно опустила на стул:

– Значит, то, что я услышала...

– Правда, – перебил ее муж. – Тамара – моя любовница. Вика, постарайся меня понять. Так получилось, что твоя операция вызвала во мне брезгливость. Я понимаю, что это подло, но ничего не могу с собой поделать. Так бывает в жизни. Я ухожу от тебя, но не бросаю детей. Тебе не придется заставлять меня помогать им.

Женщина усмехнулась:

– Спасибо хоть за это.

– Не надо ерничать, – Денис скривился, словно разжевал дольку лимона. – Давай поговорим, как взрослые люди, коими мы и являемся. У меня только одно условие: я хочу видеть детей как можно чаще. Квартира остается тебе, ее купил твой отец, так что приходить туда мне бы не хотелось. Я сниму жилье, слава богу, в нашем городе это не проблема, и буду забирать их на выходные, а иногда и среди недели.

– Ты поведешь их к ней? – Вика побледнела. – Ни за что. Если мы не нужны тебе, катись на все четыре стороны. Но детей я тебе давать не стану. Как говорится, умерла так умерла.

Он пожал плечами:

– Значит, это решит суд.

Женщина кивнула:

– Да, это решит суд, – она резко встала и, прямая, как тростинка, прошагала к выходу, обернувшись у двери: – Только не думайте, что я оставлю вас в этой клинике. Придется попытаться счастья в другом месте.

Денис фыркнул:

– Ну и дура! Мы с Тамарой, между прочим, лучшие врачи на побережье, и тебе это известно. Да большая половина клиентов ходит к нам. Хочешь прогореть – скатертью дорога. Только не говори, что я тебя не предупредил.

Вика выбежала в коридор и с силой хлопнула дверью. Тамара с улыбкой посмотрела ей след и потрогала косяк, с которого от удара посыпалась штукатурка.

– Она ненормальная, – женщина вошла в кабинет и присела на диван (на нем до сих пор валялась скомканная простыня – свидетельница их любовных утех). – Чуть дверь не сломала. Почему ты ей ничего об этом не сказал?

– Потому что отныне мы здесь не работаем, – заявил Денис, закинув ногу на ногу.

Зубы Тамары щелкнули, как крышка старинных часов.

– То есть как?

– Она заявила, что мы должны убраться на все четыре стороны, – пояснил он. – Тебя это очень волнует? Да любая частная клиника возьмет нас с руками и ногами.

– Так – то оно так, – Тамара достала сигарету. – Только есть одно «но». Эта клиника уже разрекламирована. Надо отдать должное отцу Вики, он не пожалел на это денег. Остальные сводят концы с концами. Городок у нас маленький, курортники приезжают не на лечение. Пройдет уйма времени, прежде чем мы сделаем имя в другом заведении. «Викден» – это бренд нашего города.

Денис поднялся и стрельнул сигаретой в окно:

– Не понимаю тебя. Мои пациенты уйдут вместе со мной, а твои – с тобой. Разве не так?

Она покачала головой:

– Наша большая выручка складывается из прибыли клиники. Здесь все врачи самого высокого уровня. Я не желаю, чтобы с завтрашнего дня мы сели на копейки, которые не позволят нам снять приличное жилье.

Он нервно хрустнул пальцами:

– Что же делать?

– Все очень просто, – женщина подалась вперед, и ее зеленые глаза сверкнули: – Нужно отобрать у нее клинику. Только, умоляю, не нужно ее жалеть, – она предостерегающе подняла руку. – Ты сам говорил о большом наследстве. Отец подыщет ей что-нибудь другое.

– Отец вышвырнет меня вон, а тебя следом, – буркнул Денис.

Тамара щелкнула пальцами:

– Если правильно все обставить, мы останемся здесь.

– Как это сделать? – он поблел от напряжения: неужели эта хитрая бестия нашла выход?

– Прежде чем сообщить тебе о моих задумках, я хочу спросить: ты готов идти до конца? – поинтересовалась женщина, стряхнув пепел на паркет. – Способен ли ты на время стать жестким и беспринципным?

Он опустил голову на ладони и задумался. Справедливо ли это будет по отношению к Вике? Она никогда не делала ему ничего плохого, наоборот, старалась предупредить все его желания. Сегодня на нее обрушилось второе страшное известие, и в этом виноват он.

– Мне нужно подумать, – прошептал Денис.

Тамара встала:

– Окей, не буду тебя торопить. Как говорится, поживем – увидим. – Она взглянула на часы. – Совсем с тобой заболталась. Сейчас придет пациентка. А ты думай, милый.

Летающей походкой женщина вышла из кабинета.

Глава 10. Русское царство, 1525 г

Вернувшись во дворец, Соломония с энергией взялась за лечение. Она три раза в день пила заговоренную воду, мазала ей живот, но ничего не изменилось – женщина оставалась бесплодной.

Евдокия Ивановна, хлопоча, как наседка над цыплятами, каждый день заходила в опочивальню племянницы и, хмурясь, спрашивала:

– Не помогает?

– Нет, тетушка, – на молодую княгиню было жалко смотреть.

Евдокия Ивановна взяла ее за ладони: они были такими белыми, что просвечивала каждая жилка.

– Надо еще раз к Стефаниде сходить. Может, чего посоветует.

Соломония покачала головой:

– Не кончится это добром, тетушка.

Пожилая женщина стукнула клюкой по полу:

– Дождешься, что Василий от тебя избавится. Он, говорят, сейчас митрополита Даниила уламывает, чтобы тот на ваш развод согласился.

Княгиня еще больше побледнела:

– Он сам сказал об этом, тетушка?

Евдокия Ивановна отвернулась, чтобы смахнуть непрошеную слезу:

– Братцу твоему это ведомо. Смотри, придет за тобой однажды повозка монастырская, свезет в какую-нибудь далекую обитель. А ты, любушка моя, к монастырской жизни непривычная, зачахнешь там.

Соломония решительно тряхнула головой:

– Приведи сюда Стефаниду, тетушка. Василий сказывал, на три дня по делам уезжает.

Приведи, милая, мочи нет мучиться.

Тетка удалилась, тяжело опираясь на клюку. Молодая княгиня села у окна, вдыхая пряный летний запах, и задумалась.

Откуда ни возьмись, на ясном небе появились темно-серые тучи, нацелились на яркое солнце, а вскоре и вовсе проглотили его. Молодая женщина подумала, что так и в ее жизни – сначала любовь и забота мужа, несшие радость, и светилась она от счастья, как солнышко, а потом, словно тучи, печаль налетела и унесла радость и веселье.

Княгиня взглянула на икону, висевшую у изголовья кровати. Божья Матерь будто понимала ее, почувствовала, но почему-то не могла помочь, лишь глядела большими скорбными глазами.

Соломония хотела перекреститься, но не успела: Евдокия Ивановна ввела Стефаниду.

– Значит, не подействовала вода, – сказала колдунья, не поздоровавшись. – А ить, я предупредила. Вряд ли поможет мое снадобье.

Соломония едва сдержалась, чтобы не кинуться ей в ноги.

– Помоги мне, тетушка.

Стефанида достала мешочек и протянула княгине:

– Здесь земля, заговоренная с лесных болот. Прикладывай к животу днем и ночью. А коли и это не подействует, больше меня не зовите.

Евдокия Ивановна повела колдунью в сени, а княгиня, сбросив одежду, высыпала на стол черную жирную влажную землю, взяла горстку и приложила к животу. Пересохшие губы что-то шептали, и ей казалось, что черная болотистая земля наполняет силой ее утомленное тело.

Глава 11. Приморск, наши дни

Вике стоило огромных усилий не показать детям свою боль, не раскрыть отношений с отцом.

Стиснув зубы, улыбнувшись, она сказала, что папа очень занят и сегодня не сможет с ними погулять. И вообще сегодня он уезжает в командировку, немедленно, сейчас.

Ася укоризненно посмотрела на мать.

– Это странно, не правда ли?

В ее удивленном голосе звучали взрослые нотки, и Вика поняла, что дочь о чем-то догадывается. Впрочем, вряд ли Ася догадывалась о том, что происходило в реальности: она обо- жала отца.

– Давайте поедим мороженого, а потом проведем дедушку и бабушку, – предложила женщина. – Идет?

Витя захлопал в ладоши, а Ася надулась.

– Папа обидится, – произнесла она. – Ты же сказала, что он хотел с нами.

Вика вздохнула. Сколько она сможет обманывать?

– Папа не обидится, – заверила она дочь. – Он обрадуется, когда узнает, что мы хорошо провели время.

– Ну ладно, – дочь снова взяла братишку за руку. – Пойдем. Чур, мне шоколадное.

Глава 12. Приморск, наши дни

Вика с трепетом пошла в подъезд родительского дома. Что она скажет? Стоит ли подождать или сразу поведать правду, пусть и горькую? У матери большое сердце.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, женщина раздумывала, как себя вести, но когда отец открыл входную дверь, разрыдалась и прошептала:

– Папа, займи чем-нибудь внуков. Я должна вам кое-что рассказать.

Андрей Ильич, высокий, статный, седоватый и довольно моложавый, обнял ее и прошептал:

– Хорошо, хорошо, моя дорогая. Я посажу их у компьютера, и они нам не помешают.

Вика всхлипнула и побежала на кухню, уже не думая о том, что дети могут увидеть ее слезы.

Галина Петровна, сдавшая после известия о болезни дочери, сидела на кухне и резала салат. Увидев Вику, она расплылась в улыбке:

– Как хорошо, что ты пришла. Я слышу, с моими любимыми внуками. Сегодня у меня потрясающий борщ. Если ты поможешь, я быстро нарежу на стол.

– Мама, мне не до еды, – Вика опустила на табуретку. – Денис меня бросил. Мы разводимся.

Щеки матери побледнели:

– Ты что, шутишь?

– Мне не до шуток, – Вика придвинула к себе помидор, взяла нож и стала автоматически нарезать его на дольки. – Сегодня я застала его с Тamarой. Ну, помнишь, наш врач – эндокринолог.

– Конечно, помню, – пожилая женщина бросила нож на стол. – Вертихвостка проклятая. Она давно перед Денисом задом крутила, – она подошла к дочери и обняла. – А ты подожди с разводом. Он любит тебя и детей. Думаешь, твой отец всегда сохранял мне верность?

– Мама, я ничего не думаю, – Вика бросила дольки помидора в миску. – Он сам мне об этом сказал. И добавил, что после операции брезгует ко мне прикасаться.

– Так и сказал? – Галина Петровна снова взялась за нож, чтобы успокоить нервы. – Вот гад. Может, перебесится?

Дочь покачала головой:

– Нет, мама, не перебесится.

– Я позову отца, – мать снова бросила нож и побежала в гостиную.

Вика услышала шелестящий шепот, и вскоре отец, тоже побледневший, положил на плечи дочери свои тяжелые руки.

– Значит, это правда?

Женщина кивнула, и так долго сдерживаемые слезы хлынули из покрасневших глаз.

– Да, это правда. – Она вдруг сжала кулаки. – Скажите, какая вещь в нашей квартире когда-то была украдена? – Вика вскочила, опрокинув табуретку, и бросилась в гостиную.

Стревоженные родители двинулись за ней. Дочь рыдала и била кулаками по шкафу:

– Скажите, она здесь? Где вы ее прячете?

В серванте трясся хрусталь, звенели дорогие фарфоровые сервизы, и Галина Петровна испугалась, что Вика разгромит всю антикварную посуду.

– Да прекрати ты, сумасшедшая, – прикрикнула она. – Сейчас все расколотишь. А это, между прочим, наш кусок хлеба.

– Где, где эта вещь? – Вика будто не слышала, и отцу пришлось скрутить ее и силой усадить на диван. – Умоляю, дайте ее мне.

– Да про какую такую вещь ты говоришь? – удивленно проговорила мама. – Что у кого мы украли? Ты в своем уме?

Вика повалилась на диван и уткнулась носом в подушку.

– Цыганка, – выдавила она сквозь рыдания. – Она сказала, что я тяжело заболею и потеряю мужа, если не выброшу вещь, которая находится в моем доме.

Родители переглянулись, и мать всплеснула руками. С ее смуглых щек уже сходила бледность.

– И ты поверила какой-то гадалке? – она села рядом и стала гладить вздрагивавшие плечи дочери. – Да они всем говорят одно и то же.

– Но я заболела и потеряла мужа, – Вика продолжала рыдать. – Мамочка, умоляю тебя, скажи, какая вещь могла принести мне такие беды...

– Да ты просто спятила! – Галина Петровна ударила кулаком по кожаной обивке дивана. – Мы с отцом в жизни не брали чужого. Все, что ты здесь видишь, досталось нам от твоих деда и прадеда.

– Значит, брали они, – Вика резко поднялась, и мать с жалостью посмотрела на ее заострившееся лицо. – Надо заказать грузовую машину, и пусть она увезет все к чертовой матери.

– Точно, рехнулась, – Галина Петровна посмотрела на встревоженного мужа: его беспокоило состояние дочери. – Еще спасибо нам скажешь, что мы это наследство тебе с детьми оставили.

– Ты не хочешь меня понять, – дочь снова рванулась к серванту, но отец перехватил ее и ударил по лицу:

– Немедленно прекрати истерику!

Вика схватилась за щеку и осела на ковер. Андрей Ильич помог ей подняться:

– Пойдем на кухню. Слава богу, дети нас не слышали, я предусмотрительно закрыл дверь в их комнате. Пора уже поговорить серьезно.

Поддерживая дочь за локоть, он проводил ее на кухню. Галина Петровна засемила за ними. Андрей Ильич усадил Вику на табуретку, другую придвинул жене.

– Значит, вы с Денисом разводитесь. Он собирается делить квартиру?

Дочь покачала головой:

– Он сказал, что квартиру оставляет мне. Все же помнит, что ее купил нам ты.

– Надо же, как благородно! – буркнул Андрей Ильич. – А что с клиникой?

Вика посмотрела на свои руки:

– Я предупредила, чтобы он убирался вместе со своей любовницей.

– А вот это правильно, – отец наклонил голову. – Когда он пришел в нашу семью, мы дали ему все. Он уходит по собственной воле, поэтому мы ничего ему не дадим. Кроме того, дети остаются с тобой. После развода подашь на алименты.

Дочь тяжело вздохнула. Думала ли она, что их брак так печально закончится? Мысль, что Денис уйдет голый и босой, бросив не по своей воле все, что ему было дорого, не согрела ее измученную душу.

– Если он будет упираться, я вмешаюсь в ваш бракоразводный процесс, – Андрей Ильич сжал ее плечо. – И не нужно терзать себя. Раз такой негодяй, пусть катится. Мы проживем и без него.

Вика снова заплакала. Она не представляла, как станет жить без Дениса, разведенкой, брошенной. Не будет больше обедов в ресторане на годовщину свадьбы, поездок за город, семейных вечеров. И вообще в ее жизни его не будет. Как это пережить?

Глава 13. Русское царство, 1525 г

Великий князь действительно отправился по делам, как предупредил Соломонию. Он объезжал свои владения, сидя на своем любимце – гнедом коне. Василия интересовали строившиеся и недавно построенные храмы, и он с удовольствием созерцал возведенные стены и слушал звон колоколов. Возле одного из них, храма святителя Петра, Василий остановился, увидев кривую старую березу, возле которой толпились крестьяне.

– Что там такое? – спросил он у сопровождавших бояр, и один с готовностью вызвался:

– Сейчас узнаю, княже.

Через полминуты он, смущенно улыбаясь, прискакал обратно.

– Мужики срубить ее хотели, – пояснил боярин. – И вдруг на верхушке гнездо увидели, а там птенчики малые. Ну, и пожалели и дерево, и птенчиков.

Василий поднял голову, взглянул на солнце и зажмурил глаза. Он представил себе маленькое гнездо из соломинок и перьев, теплые комочки внутри – и почувствовал в горле предательский ком. Он подступал, когда великий князь видел детенышей, неважно чьих – щенят, котят, птенцов, и горестные мысли уносились к Соломонии, к их бездетному браку.

«Ничему я не подобен, – подумал Василий, и его глаза увлажнились, – ни птицам, ни зверям, ни даже воде, которая тоже плодится и множится. Не надобно мне тянуть с разводом, если не хочу разделить свою власть».

Великий князь боялся признаться, что больше всего его беспокоило не то, что он потомок византийских императоров. Привык он к своей жене Соломонии за двадцать лет брака, привязался, с радостью спешил в свою опочивальню после дальних странствий, желая обнять ее теплое, мягкое тело, поцеловать румяные, как яблоки, щеки.

Хорошей она была женой, что и говорить, – красивой, домовитой, преданной. Вот почему Василий, давно задумавшийся о разводе, тянул, ждал неизвестно чего. Не было у него для развода никаких причин, не поняли бы его люди. Хотя, чего уж тут обобщать...

Некоторые его приближенные все уши прожужжали: дескать, ежели власть делить придется, то и государство раздробится, как когда-то, ежели раздробится, ослабнет, и рванут к нему полчища поганых, и застонет Русь под ударами их мечей.

Нет, один должен быть у Руси хозяин, один царь.

Знал Василий, что митрополита Валаама при желании можно сместить, поставить Данила, и тот не станет ему противоречить, наоборот, благословит на задуманное, но не хотелось великому князю только на его мнение опираться. О жадности, властолюбии и жестокости митрополита говорили многие люди. Вот ежели б святые старцы дали свое благословение... И необязательно старцы, пусть молодые, только благочестивые, как Максим Грек из Чудова монастыря, слава о котором разнеслась во все пределы Руси.

Что, если прямо сейчас к нему поехать, поговорить?

Василий пришпорил коня, свернул с проторенной дорожки. Бояре встревожились, особенно окольничий Тучков:

– Куда, государь?

– В Чудов монастырь, – бросил Василий.

Его свита сразу поняла – к Максиму Греку. Ценил государь этого монаха за образованность и разумные речи. Когда-то он, желая разобраться в греческих рукописях и книгах, принадлежавших его матери, Софии Палеолог, обратился к Константинопольскому Патриарху с просьбой прислать к нему ученого грека, старца Савву. Патриарх не возражал, но уж больно Савва был немогуч... пришлось ехать Максиму Греку.

Увидев великокняжеское книгохранилище, монах пришел в восторг и немедленно принялся за работу. Начал с «Толковой Псалтири», а потом дошел и до других служебных книг.

Со временем князь лучше узнал ученого монаха и еще больше уважал. Не терпел Максим нарушения нравственного закона, всегда резко и прямо высказывался о том, что осуждал.

Василий понимал, почему за его спиной переглядывались бояре, не могли они взять в толк, на что надеялся Василий, какой разговор ожидал от Грека? Великий князь вспомнил пламенные проповеди монаха. Он всегда осуждал роскошь, не ведал, как можно спокойно жить в богатстве, если кругом нищие? Максима поражали и русские церкви, такие же роскошные, как и дома бояр. Зачем богатство в Божьем доме? Нет слов, церковь должна быть прекрасной, но без излишеств. Интересовался Грек, куда идут налоги, собираемые с крестьян церковью, сетовал он, что храмы не помогают бедным.

Разумеется, его речи нравились не всем. Даже церковные служители его не поддерживали, разве только святые старцы. Василий слушал его с интересом и понимал, что монах просит слишком много. Нельзя вот так сразу изменить существующий порядок. Да и он сам, великий князь, почему должен отказаться от привычного образа жизни? Все государи пребывают в роскоши, так уж повелось.

Спешившись у входа в монастырь, где несколько лет назад открыли греко— латинское училище и трудяги-монахи переписывали и переводили церковные книги, князь сделал знак боярам, чтобы оставили его одного, взбежал по ступенькам, коснувшись рукой белых колонн, и, кивнув служителям, склонившимся перед ним, прошел в келью Максима Грека.

Тот работал над очередным трудом, и Василий, увидев его склоненным над книгой, подумал: «Хоть икону с него пиши».

Желтоватое худое лицо с острым тонким носом, длинная седая борода, глаза, светившиеся необыкновенным блеском...

Грек заметил государя, отложил рукопись, встал и, едва кивнув, спросил:

– Зачем я тебе понадобился, великий князь? Неужто ты решил внять моим просьбам?

Василий покачал головой:

– Просьбы твои исполнить трудно.

Максим усмехнулся в седую бороду:

– Трудно, говоришь? Лучше, по-твоему, Божественные законы нарушать? Сребролюбие и лихоимство – страшные грехи.

Князь поморщился: опять он про это!

– Я пришел к тебе поговорить о другом, – Василий опустил на скамью и плотнее запахнул длинную соболью шубу: в келье было холодно. – Что ты думаешь о браке, в котором нет детей?

Максим сложил руки на коленях и чуть прикрыл глаза морщинистыми веками.

– Хочешь спросить о разводе?

Великий князь вздрогнул: монах часто читал его мысли.

– Откуда тебе известно?

– Слухами Москва полнится, – ответил монах уклончиво.

– И каким будет твой сказ?

– Мои взгляды на брак многим известны, – изрек он торжественно, – я из них никакого секрета не делаю. Если про великую княгиню говорить, то послал тебе Бог жену, о которой многие мечтают: красивую, верную, хозяйственную. Давно вы друг с другом, почти двадцать лет. Знаешь ведь, что честна женитва и ложе нескверно. Желаете спасения души своей – будь доволен своей супругой, а чужих не желай, ибо блудники и прелюбодее, грешащие с чужими женами, осуждаются в муку вечную с жителями Содомы и Гоморры, где червь их не усыпает, огонь не угасает и ужаснейший плач и скрежет зубов бесконечны.

– Я чужой жены не хочу, – буркнул Василий недовольно. – Ежели получу развод, снова женюсь. Разве это блуд?

Грек повертел головой на жилистой шее:

– Грех это, страшный грех, великий князь. Если надеешься убедить меня в обратном, не пытайся, я от своих слов не отрекусь. Думаю, вряд ли ты меня послушаешь, чувствую, по – своему поступишь, только прежде о душе поразмысли.

Он придвинул к себе толстую книгу и углубился в чтение, будто не видя, что государь продолжает сидеть в его келье.

Василий, подобрав полы длинной шубы, вышел из жилища монаха и подумал, что может опоздать к обеду, которую должны были отслужить в церкви монастыря. Хорошо, что он не увидит там Соломонию, с которой вместе ходил на заутреню.

В памяти всплыло худое желтоватое лицо Максима Грека и его слова.

«Никогда этот монах не станет моим союзником, – внутренний голос нашептывал Василию фразы, которые он хотел услышать. – И молчать не станет. Многие его цитируют. Нужно ли мне, чтобы он давал пищу для разных толков? Там, гляди, и до бунта недалеко».

Неясная мысль о том, что волей-неволей придется расправиться с этим строптивым монахом, потихоньку закрадывалась в голову.

«И митрополита Валаама нужно поставить на место, а то и вовсе... – нечестивые мысли наступали, как полки (удивительно, что сразу после выхода из кельи Максима Грека), и Василий им не противился. – В моем государстве мне все подвластно, и неповиновения не потерплю».

К нему подъехал любимый боярин Иван Поджогин, сделал озабоченное лицо и спросил:

– Чего невесел, государь?

Василий опустил голову:

– Знаешь ты мою печаль...

– Ах, это, – боярин подмигнул, загримасничал. – Я бы на твоём месте не беспокоился. Разговор у меня был вчера с братцем княгини, Иваном Сабуровым. Много интересного он мне рассказал, за деньги, разумеется. Повезло тебе, что братец Соломонии любит звонкую монету. Вернемся в Москву, позову я его – поговори с ним. Слово даю, веское основание будет у тебя для развода.

– Она мне изменяла? – встрепенулся великий князь и побледнел: тяжело было слышать такие вести.

Поджогин покрутил головой на толстой шее:

– Есть кое-что хуже измены, государь. Колдовством занималась твоя жена. Впрочем, Иван тебе все расскажет.

Василий тяжело задыхался и прищипорил коня. В нем боролись противоречивые мысли. С одной стороны, желал он избавиться от бесплодной жены, с другой – горько ему было сознавать, что Соломония сама на развод напросилась.

Прискакав в Москву, первым делом вызвал к себе Ивана Сабурова.

– Люди говорят, ты мне что-то сказать хочешь, – буркнул он: неприятно было смотреть на этого дюжего молодца, продававшего сестру.

Иван улыбнулся:

– Сказывали, и ты меня за это отблагодаришь.

Василий побагровел:

– А если я тебя подвергну самым страшным пыткам, и ты мне все даром поведаешь?

Сабуров усмехнулся в черный ус:

– Не сделаешь ты этого, государь. Станут говорить, что ты не только от жены отделился, но и ее брата заморил. Народ и так многим недоволен. Там и до бунта недалеко.

Великий князь заскрежетал зубами:

– Говори, что желал!

Иван поклонился и затараторил, будто боясь что-то упустить:

– Как-то моя сестра позвала меня и спросила, знаю ли я, что есть некая Стефанида Рязанка, которая теперь где-то поблизости живет. Дескать, колдует она отменно, и надо бы ее к нам во дворец привести.

Василий еще больше нахмурился:

– Продолжай.

– Узнали мы с теткой Евдокией, где эта колдунья обитает, – Иван смотрел нагло, словно не хотел сознавать своей вины, – узнали и привели сюда. Она с собой какую-то воду заговоренную взяла и прибавила: «дескать, водой этой обтираться надо, чтобы князь любил, и княжеское белье желательно ею смачивать».

– Мое белье? – государь сжал кулаки. – И она смачивала?

– Уж очень ребенка сестра хотела, – бросил Иван. – Через это, сам понимаешь, на многое пойдешь. Тетка сказывала, Стефанида эта еще и масло с медом заговаривала да обтираться велела.

Блеснули на него глаза Василия из-под нависших бровей:

– Это все?

– Все, государь.

Великий князь бросил ему, как собаке кость, горсть золотых монет:

– Это тебе за труды. Ступай, да никому ничего не сказывай.

Поклонившись, Иван удалился восвояси, а Василий, подойдя к окну, подумал, что теперь совесть его чиста, но от этого на душе не стало легче.

Глава 14. Приморск, наши дни

– Ты что же, сказал ей, что уходишь голым и босым? – Тамара сидела у зеркала и расчесывала волосы.

– Это справедливо, – Денис сел рядом: он только что закончил разговаривать с Викой. – Квартиру купил нам ее отец, он же вложил деньги в клинику. Хотим мы этого или не хотим, нам придется отсюда уволиться.

– А кто пахал день и ночь, чтобы эта клиника приносила доход? – женщина бросила расческу.

– Андрей Ильич тоже много сделал для ее процветания. У меня никогда бы не хватило денег на такую рекламу, – процедил мужчина. – Кроме того, Вика остается с двумя детьми. Мы с тобой как-нибудь устроимся.

Тамара зло швырнула расческу:

– Ты не должен идти у нее на поводу! – прошипела она. – Клиника должна остаться у тебя. А папаша купит своей дочери что-нибудь другое, попроще.

Денис потянулся за сигаретой:

– У меня не хватит духу сражаться за нее.

– Тряпка! – презрительно фыркнула Тамара. – Какой же ты тряпка! – она встала и вышла в прихожую.

– Куда ты? – он бросился следом: меньше всего ему хотелось оставаться одному в пустой съемной квартире, где почти не было его вещей.

– Я уйду к себе, – женщина брезгливо смахнула его руку со своего локтя. – Не прикасайся ко мне. Лучше возвращайся к своей Вике, подкаблучник. – Она хлопнула дверью, а Денис растерянно смотрел ей вслед.

О том, чтобы вернуться к жене, не могло быть и речи. Тамара оказалась потрясающей любовницей, ночами выжимала его до основания, и мужчина корил себя за долгое воздержание. Каким же он был идиотом, когда игнорировал ее чары!

Брезгливость к супруге не прошла, Денис сознавал, что никогда не сможет делить с ней постель, а жизнь семейного евнуха его не устраивала.

Он прошел в комнату, выбросил в окно нераскуренную сигарету и растянулся на кровати. Отбирать у жены клинику с вложенными в нее деньгами тестя, очень не хотелось, но искать другое место работы и фактически начинать все с нуля не хотелось еще больше. А еще он не желал терять Тамару, к которой прикипел, как ржавчина, за несколько дней. Денис понимал, что женщина уйдет, если он не оправдает ее ожиданий. А клиника, несомненно, в эти ожидания входила. Что ж, тогда он поборется.

Мужчина притянул к себе мобильный и набрал любовницу:

– Я готов стать жестоким и беспринципным, – сказал он. – Ты должна прийти ко мне прямо сейчас, и мы обо всем поговорим.

По ее голосу мужчина понял, что она обрадовалась, будто камень упал с ее души.

– Я сейчас приду.

Она позвонила в дверь через пять минут, и Денис подумал, что любовница прогуливалась где-нибудь неподалеку. Тамара всегда была хорошим психологом, видела людей насквозь и знала, что, в конце концов, он сделает так, как ей хочется.

– Значит, ты решил сражаться? – женщина скинула босоножки, и он потянулся руками к ее груди, но она оттолкнула его. – Да подожди ты. Давай сначала поговорим о наших баранах.

– Я готов, но не представляю, как это сделать, – Денис развел руками. – Может, подскажешь?

– Ее отец богатый человек, но не играет никакой роли в жизни города, – женщина плюхнулась на стул и вытянула длинные стройные ноги. – А у тебя есть пациенты – настоящие отцы города. Тебе всего лишь стоит обратиться к их помощи.

– Думаешь, они помогут? – мужчина подергал себя за уши.

Тамара с презрением отвернулась: эта детская привычка выводила ее из себя.

– Конечно, помогут. Я в этом не сомневаюсь.

– Тогда давай подумаем, кого можно привлечь, – она потянулась к сумочке и достала блокнот. – Возможно, я привлеку и своих пациентов.

Он придвинулся к ней и наморщил лоб, припоминая всех влиятельных людей.

– Можно обратиться к Волкову. Помнишь, он удалял у меня доброкачественную опухоль? Это заместитель нашего мэра.

– Можно, – подтвердила Тамара, – только это еще не предел моих мечтаний. На первое время нам понадобятся деньги. Да и не только на первое время. Посуди сам: зачем тратить деньги на съемные квартиры? Не лучше ли сразу купить свою и поближе к работе?

Денис присвистнул:

– Ну, у тебя и аппетиты... Думаешь, Вика купит нам жилье?

– Надо, чтобы она это сделала, – женщина посмотрела на него своими волнующими зелеными глазами. – И у меня уже есть одна задумка. Ты должен судиться с ней за ребенка. Вспомни, наш прокурор тоже у тебя оперировался, он поможет.

Денис сжал кулаки. Его мягкое худощавое лицо приняло хмурое и недовольное выражение, уголки губ поползли вниз.

– Я не хочу с ней судиться! – выкрикнул он. – Мы и так принесли ей много бед.

Тамара оскалилась, собираясь так же резко ответить, но передумала: нужно выждать время, возможно, позже эта мысль покажется Денису не такой уж и страшной.

– Ну хорошо, дорогой, – примирительно сказала она и потянулась к нему, чтобы погладить по руке. – Просто я подумала, что ты привык к хорошей жизни.

– Правильно, никогда не говори мне ни о чем подобном, – мужчина с ненавистью оттолкнул ее руку и встал: иногда Тамара бесила его до чертиков.

– Знаешь, что? – женщина потянулась за сумочкой. – Поставь-ка чайник, а я сбегаю в кондитерскую за твоими любимыми штруделями с вишней. Идет?

– Идет, – отозвался он, но в его голосе не было энтузиазма.

Глава 15. Русское царство, 1525 г

Соломония встала рано, думала увидеть Василия на утренней службе, но его не было: видимо, еще не возвратился из очередной поездки по монастырям.

Великая княгиня вернулась в свою опочивальню и села у окна. Грусть и горечь раздирали душу, и женщина томилась в ожидании несчастья.

Сколько раз она говорила себе, что беспокоиться не о чем. Перед отъездом Василий тепло попрощался с ней, наказывал ждать, но она все равно волновалась: не взял ее с собой любимый, первый раз в жизни.

Соломония приложила руку к сердцу, оно билось, вырывалось из груди, как попавший в клетку зверек, и бедняжка тяжело вздохнула. Очень беспокоили ее слова тетушки о том, что великий князь задумывался о разводе. Знала она: Василий никогда ни перед чем не останавливался, если это мешало его планам.

«Нет, он не может так поступить, он любит меня, – княгиня смотрела на снег и смахивала слезинки. – Мы вместе двадцать лет. Он ни на кого меня не променяет. А что до детей... Рожу я ему ребенка, обязательно».

Кто-то постучался в дверь опочивальни, и женщина вздрогнула: Василий!

Там, за дверью, не стали дожидаться отклика, не спросили разрешения. Сильная мужская рука толкнула дверь, и в комнату ввалился любимый боярин Василия Иван Юрьевич Поджогин по прозвищу Шигона, высокий, сильный, с широкими плечами, обтянутыми шубой на собольей подкладке.

– Собирайся, княгиня, – громыхнул он зычным голосом, – со мной поедешь.

Она затрепетала, затряслась:

– Куда, к великому князю?

Он ухмыльнулся, показав редкие крупные зубы:

– Сама все поймешь. Нынче твоя дорога с дорогой князя навсегда разойдутся.

Соломония вцепилась в лавку у стены:

– Не пойду! Василия позови. Только он может мне приказывать.

Снова усмехнулся боярин:

– Сегодня он мне приказал, и я не смел ослушаться.

Сильные руки обхватили ее тонкую талию и поволокли во двор. Черный монашеский возок уже стоял у ворот, и Поджогин силой затолкал в нее великую княгиню.

Успела бедняжка обвести глазами дворец, искала в окне любимое лицо, и показалось ей, что блеснули глаза ее любимого.

– Василий! – крикнула она, и ее крик потонул в вороньем грае. – За что?

Иван Юрьевич надежно запер дверцы возка – не выпрыгнешь. Да и бежать ей некуда.

Заржали кони и рванули по заснеженной дороге, недалеко им было везти пленницу.

Не ошиблась Соломония: Василий стоял у окна и смотрел, как увозят его жену, только не думал окликать любимого боярина.

Долго он размышлял о разводе, не один монастырь посетил, с Максимом Греком и Василианом Косым разговаривал, боялся себе признаться, что все равно по-своему поступит. А несколько месяцев назад Поджогин подлил масла в огонь: дескать, бесплодное дерево срубают, а не холят и лелеют. Он же посоветовал заменить митрополита: сильна царская власть.

С новым митрополитом Даниилом они быстро обций язык нашли. Взял он на себя грех, благословил развод, хоть и не одобряли его святые старцы.

«Наверное, я поступил нехорошо по отношению к Соломонии, – мелькнула мысль, – но что оставалось делать? Думаю, в монастыре она ни в чем не будет нуждаться, много ценностей я передал за нее».

Немного успокоив себя таким образом, князь удалился в покои, теперь волнуясь о другом. Захотел он взять в жены девушку намного моложе себя.

Будет ли новая избранница любить его так, как любила Соломония? Ведь он уже не молод и никогда не был красив, один крючковатый палеологовский нос чего стоит!

«Приедет Иван из монастыря, скажу ему о своих думах, – решил великий князь. – Он всегда умел развеять мои сомнения. А Елена хороша, хороша, ничего не скажешь. Когда-то и Соломония была такой».

Глава 16. Приморск, наши дни

Выйдя из дома, Тамара не пошла в кондитерскую. Поправив прическу, она спустилась на набережную, села на скамейку возле киоска с мороженым и, достав телефон, набрала номер.

В трубке послышалось бурчание:

– Где ты ходишь? Я жду тебя уже битый час.

– Я сижу напротив «паруса», – так в городе называли небольшой монумент в виде наполненного ветром паруса, – и готова к свиданию, – она усмехнулась. – Думаю, ты поторопишься.

Закончив разговор, женщина кинула телефон в сумочку и посмотрела на безбрежное море. Купающихся было мало, в обеденное время на городском пляже нежились только большие любители красного вредного загара – «вареные раки», как она их называла.

Ей вдруг ужасно захотелось скинуть босоножки, просто побродить по воде, отключиться от всех проблем, но грубый голос, раздавшийся за спиной, вернул женщину к реальности:

– Почему задержалась?

– Я чуть не поссорилась с Денисом, – Тамара отодвинулась, давая ему место возле себя. – Ушла из квартиры, но потом решила, что это несвоевременно. Он еще не так сильно прикипел ко мне и может вернуться к жене и детям.

– Плохо работаешь, – мужчина снял солнцезащитные очки, и ее, как рентгеном, пронзил взгляд его агатовых глаз. – Очень плохо.

– Сам бы попробовал, – огрызнулась она.

– Я не той ориентации, – он шутил так же бесстрастно, как и говорил. – Эта клиника нужна мне как можно быстрее. Ты убедила его судиться с женой?

– Мне кажется, да, – она посмотрела вниз, на бежевую плитку.

– Тебе кажется?

– Врачи никогда не дают стопроцентной гарантии, – буркнула Тамара. – Ты знаешь, я делаю все для осуществления наших планов.

Он пожал плечами:

– Посмотрим. Только учти: если вздумаешь водить меня за нос, тебе не поздоровится.

Женщина поежилась. Ее собеседник был страшным человеком, и она это знала. Лучше позволить отрубить себе руку, чем обмануть его.

– Ты должна ускорить процесс, – он прищурился, будто старался разглядеть что-то на горизонте.

– Я не могу давить на него, – Тамара придвинулась поближе и потерлась о его ногу пышным бедром, но собеседник даже не дрогнул. – Артем, ты меня слышишь? Я не уверена, что этот процесс будет быстрым. У Дениса богатый тесть, он способен умаслить кого угодно в нашем городе. Нет, Вика будет бороться за клинику, и нам придется попотеть.

Тот, кого она назвала Артемом, быстро повернулся к ней:

– Мне нужна самая полная информация о семье твоего придурка, о жене, детях, вплоть до школы и садика. Если не получится у тебя, я подключусь. Пойми, – он так сильно сжал ее ладонь, что женщина вскрикнула, – покупатель не может ждать вечно. Сейчас он готов заплатить за клочок земли бешеные деньги, но это сейчас, сегодня. Что будет завтра, не знает никто. Возможно, он найдет кого-нибудь другого.

– Ты говорил, что он хочет построить отель на месте нашей клиники, – Тамара посмотрела на свои ярко-красные, в тон помаде, ногти. – Для этого подходит только она. Остальные здания на набережной – жилые дома.

– В конце концов, у него могут поменяться планы, – Артем встал. – Ладно, ты меня поняла. Я буду ждать хороших, слышишь, хороших новостей. Пока ты мне ничего такого не сообщила.

Женщина обиженно надула губы:

– Я развела его с женой. Разве этого мало?

– Мало, – ответил он своим металлическим голосом. – Ты и сама это знаешь.

Не попрощавшись, он зашагал по набережной, и Тамара с тоской посмотрела ему вслед. Она познакомилась с Артемом два года назад, когда он обратился к ней как к эндокринологу, и теперь понимала, что он сделал это не случайно. Никакого повышения сахара у него не было, во всяком случае, ни один из многочисленных анализов этого не показал. Как с пациентом, ей пришлось с ним расстаться, но зато она обрела любовника, безжалостного и равнодушного. Он всегда появлялся неожиданно, сваливался, как снег на голову, когда нужно было ему, а потом, после жарких ночей, снова исчезал и не звонил по несколько месяцев, будто вычеркивал ее из своей жизни.

Однажды Тамара попробовала обидеться, высказать ему все, что думала об их странной связи, и Артем грубо ответил:

– Если тебя что-то не устраивает – катись. Таких, как ты, воз и маленькая тележка.

Наверное, тогда и нужно было бежать от него во все лопатки, но женщина никогда не умела быть одна, с тех пор, как она развелась с мужем, найти нового спутника жизни стало для нее навязчивой мыслью.

Пусть так, чем никак. Пусть такой, чем никакой, хотя, скорее, никакой.

Что ей про него известно? Она до смерти боялась спросить о его семье и о работе.

Вдруг он женат? Вдруг связан с криминалом? Вроде бы Артем имел какой-то бизнес на побережье, но все криминальные личности имеют бизнес. И потом, выражение его лица... Как у окружения Дона Корлеоне – безжалостная и равнодушная маска с застывшей прорезью вместо рта.

И все же не нужно его пытаться. Вдруг обидится и уйдет, когда его начнут пытаться о личной жизни? Наверное, лучше жить в неведении, летать в облаках, чем навсегда потерять его.

Как и многие женщины, она успокаивала себя, что не одна, хотя на самом деле оставалась такой же одинокой. А теперь она была связана с ним крепче, чем когда-либо.

Через год их отношений Артем попросил у нее одно лекарство для матери, страдавшей онкологией. Разумеется, оно имелось в клинике, и Тамара, понимая, что совершает преступление, принесла ему несколько ампул, которые списала по документам.

Двумя ампулами дело не обошлось, а потом она, к своему ужасу, узнала, что наркотики предназначались вовсе не его маме, почившей лет пять тому назад. Лекарство было нужно совсем для другого. Но самое страшное оказалось в том, что Артем записал их разговор и теперь ее шантажировал.

Нет, он никогда не говорил прямо, что заявит в полицию, но она чувствовала это в его намеках, в желаниях заставить ее выполнять все его просьбы.

Три месяца назад Артем рассказал ей о желании одного влиятельного и богатого господина купить землю, на которой находилась ее клиника. Она привыкла говорить «ее клиника», хотя заведение принадлежало Вике и Денису.

– Этот человек сгорает от желания получить землю, – втолковывал он ей. – А когда получит, сделает реконструкцию. Набережной больше не будет. В его планах построить здесь гостиничный комплекс. Возможно, со временем он найдет способ выселить людей из жилых домов. Этот господин желает обустроить шикарный пляж со всеми развлечениями.

Тамара кивнула, не подозревая, что в грандиозном сценарии ей отведена почти главная роль.

– У богатых свои причуды.

– Он готов хорошо заплатить всем, кто ему поможет, – Артем буравил ее взглядом, таким холодным и острым, что можно было разрезать кусок льда. – Если мы поможем заполучить клинику, нас озолотят.

Женщина вздрогнула, ее рука, расчёсывавшая волосы, остановилась, и расческа замерла в воздухе.

– Мы?

Он кивнул:

– Основную работу придется делать тебе – ты там работаешь.

Тамара попыталась улыбнуться, но улыбка получилась неумелой и жалкой:

– Ты предлагаешь мне убить моих работодателей?

– Если их понадобится убить, это сделаю я, – его голос звучал на удивление ровно. – Впрочем, попробуем обойтись без этого. Этот твой начальник, Денис Викторов... Он равнодушен к твоим прелестям?

Женщина побледнела. Артем совсем обнаглел, если решил подкладывать ее под других мужчин.

– Он любит свою жену, – буркнула она и бросила расческу на стол.

Артем поднялся, подошел к ней и сжал ее плечо:

– Я задал вопрос и жду твоего ответа.

– Равнодушен, если тебе интересно, – Тамара поморщилась от боли: рука у Артёма была стальная.

– Это ничего, ты обольстишь его и сделаешь так, чтобы об этом узнала его жена, – мужчина, наконец, освободил ее плечо, и она с облегчением вздохнула. – Они разведутся, клиника достанется ему, он женится на тебе, и ты уговоришь или заставишь его продать ее.

Тамара вскинула на него удивленные глаза: они напоминали круглые пятирублевые монеты.

– Деньги на клинику давал отец Вики. После развода она достанется ей. У нас ничего не выйдет.

– Выйдет, – упрямо заявил он. – Пусть только начнут бракоразводный процесс. Я обещаю свою помощь.

Тамара побледнела:

– Если он...

– Твой лопух ни о чем не догадается, – заверил ее Артем. – Наоборот, будет думать, что все провернул сам.

– А если я не соглашусь? – она взяла в руки маленький перочинный ножик, которым иногда точила карандаши, и провела большим пальцем по его тонкому лезвию, будто проверяя, достаточно ли оно острое.

– Тогда полиция узнает, что ты сбывала лекарства, – пообещал он. – И ты никогда не устроишься врачом, даже если тебе удастся избежать тюрьмы.

Тамара понимала, что он прав, и у нее два пути. Первый – соблазнить шефа и подзаработать денег, и второй – отказаться, сесть в тюрьму, а потом выйти оттуда с волчьим билетом. Нет, о втором даже не хотелось и думать.

– Я согласна, – прошептала она, и Артем удовлетворенно кивнул:

– Вот и умница.

Тамара подумала, что Денис ей не то чтобы совсем не нравился: он был довольно видным блондином с голубыми глазами и подтянутой фигурой. Но как, как заставить его бросить жену, которую он боготворит?

– Для этого мне понадобится время, – решительно сказала она, и любовник снова кивнул:

– Хорошо, у тебя есть месяц, не больше. И не говори мне, что за это время ты не уложишься.

Он угрожающе взглянул на женщину, и она поникла, сраженная страшным блеском его холодных глаз.

– Я постараюсь.

Тогда он ушел, не попрощавшись, а Тамара легла на кровать и заплакала. Она чувствовала себя униженной, никому ненужной, но, главное, совершенно не представляла, как соблазнить Дениса. Он такой преданный муж.

На следующий день женщина начала свои атаки, сначала деликатно, потом более настойчиво, но Денис не обращал на нее внимания. И лишь болезнь Вики позволила ей осуществить задуманное. А теперь нужно было сделать так, чтобы мужчина пошел до конца и отобрал клинику. Артем обещал помощь влиятельного человека, только она ему не очень верила. Влиятельный человек, затеявший лишить город хорошей недорогой клиники, вряд ли станет светиться. Но что же делать?

Она медленно встала и медленно поплелась по набережной, совсем забыв, что обещала Денису купить штрудель.

Глава 17. Русское царство, 1525 г

Монастырская повозка подъехала к воротам Рождественского монастыря. Догадывалась Соломония, куда спроводит ее Василий, не зря как-то сказал ей, что монахини этой обители самые душевные.

– Не хочу, – прошептали дрожавшие губы, – не хочу, не пойду.

Иван Поджогин наклонился к ней:

– Знаю, что не хочешь. Это воля Василия. Не смеем мы ему перечить.

Колеса повозки разбрызгивали грязь, снег в тот ноябрьский день подтаял и превратился в коричневую противную жижу. Ворота монастыря Рождества Пресвятой Богородицы со скрипом отворились, и великая княгиня закусил губу. Она слышала, как кто-то хлопал по лужам, торопился к повозке, и сжалась на сиденье.

– Выходи, – боярин отворил двери, и кусок мутного неба заглянул в возок.

Соломония сдвинулась в угол:

– Не выйду.

Поджогин что-то сказал человеку в черном и начал тащить княгиню на улицу. Женица закричала и стала бить его кулачками в грудь.

– Спротивляется наша птичка, – усмехнулся Иван и, собрав все силы, вытащил ее наружу.

Бедняжка закрыла глаза, ожидая чего-то страшного, но неожиданно услышала приятный хриловатый голос:

– Зря сопротивляешься, девица. Здесь тебе хорошо будет. И вообще, лучше тебе покориться своей судьбе. Привыкнешь, пообживешься, еще и понравится.

Соломония открыла глаза и прищурилась. Человек в черной рясе улыбался ей и протягивал руку:

– Пойдем со мной.

– Это игумен Давид, – представил его Шигона. – Он тебя и пострижет.

Великая княгиня замотала головой:

– Нет, нет!

В страхе и отчаянии она замахала руками – и вдруг перед ней соткалось, как из воздуха, холодное лицо митрополита Даниила.

Женица похолодела. Перед ней был ее враг, человек, вопреки церковным заповедям, разрешивший Василию развод.

– Грешна ты, дочь моя, и знаешь об этом, – прохрипел он. – Эта обитель поможет тебе очиститься.

Он кивнул, и, будто по звонку, из монастыря потянулась вереница монахинь. Одна взяла ее под руку и потащила в храм.

– Пойдем, милая.

Соломония вырвала руку и оцетилилась:

– Не трогай меня!

Монахиня не смутилась и протянула ей ножницы:

– Отдай игумену, так положено.

Великая княгиня бросила ножницы на землю, в мутную жижу, и принялась топтать ногами.

Брызги испачкали рясу игумена, и он нахмурился:

– Держите ее.

Монахини и боярин подхватили несчастную, повисли на ней, и Давид, стряхнув с ножниц грязь, с остервенением принялся крамсать русую толстую косу княгини. Даниил торопился подать ей монашеский куколь, и женщина, как тигрица, бросилась на него и растоптала.

Иван Шигона заскрежетал зубами и взмахнул плетью – она оставила красный след на белой нежной коже. Соломония дернулась и, преодолевая боль, вскинула голову:

– Как ты смеешь меня бить? По какому праву?

Боярин осклабился, показав свои лошадиные зубы:

– По приказанию государя. А как ты смеешь противиться его воле?

Женщина обвела всех горящими глазами. Она едва сдерживала рыдания, захлебывалась слезами:

– Свидетельствую же перед всеми, что не желаю пострижения и одежды иноческие на меня надевают насильно! Бог видит и отомстит моему гонителю!

Немногочисленные монахини переглянулись.

– Жалко болезную, – шепнула одна, самая молодая. – Меня, когда постригали, я сама желала невестой Христовой стать.

– Замолчи, несчастная, – оборвала ее монахиня постарше, со скорбной складкой над верхней губой. – Игумен сказал, князь несметные сокровища за жену дает. Вчера несколько повозок с добром приехали.

Игумен словно услышал, о чем говорили послушницы, и, бросив на Соломонию недовольный взгляд, повысил голос:

– Встречайте новую сестру в нашей обители! Давайте помолимся Господу!

Монахини, как по команде, запели. Женщина, еще недавно называвшаяся великой княгиней, продолжала плакать, но ее никто не слушал и не слышал. А вскоре люди стали шептаться, что новую инокиню Софию повезли в Суздаль, в Покровский женский монастырь, где отныне она должна была замаливать грехи до конца своей жизни.

Проводив новую послушницу, игумен поднялся в комнату и придвинул к себе список сокровищ, переданных обители Василием Третьим. В кованных сундуках уютно покоились жемчуга, золото, серебро, драгоценные камни, и мужчина подумал, что этим богатством князь заплатил ему за несправедливый постриг своей несчастной жены.

«Не по-христиански все это, – вздохнул он и потрогал массивный золотой крест на груди. – Простит ли мне Бог этот грех? А впрочем, зачем печалиться? Выше митрополита Даниила у нас церковной власти нет, а он благословил нас на этот поступок, хотя знал, что на православном востоке князю отказали. Как он тогда сказал? Кажется, что-то вроде «обойдемся без их благословения». «Значит, ему и ответ держать».

Решив таким образом больше не печалиться, Давид отправился во двор. Но перед глазами стояло заплаканное лицо Соломонии, ее несчастные глаза, и игумен подумал, что эта женщина станет преследовать его до конца жизни.

Глава 18. Приморск, наши дни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.